

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.16>

Пинковский Виталий Иванович

ПОЭЗИЯ "НОВОГО ПОГРЕБКА" (1806-1817): СОДЕРЖАНИЕ, ПАФОС, МЕСТО В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В статье рассматриваются наиболее важные содержательные черты творчества поэтов "Нового погребка" (1806-1817) - объединения "шансонье и гастрономов", представляющего собой заметное явление в литературе Первой империи и ранней Реставрации. Автор анализирует тематику и пафос песен, предпринимает попытку объяснить феномен указанного поэтического содружества с трёх позиций - французской национальной литературной традиции, биографических обстоятельств поэтов-песенников, культурно-исторического контекста. В отечественный научный оборот вводятся тексты М.-А.-М. Дезожье, М. Урри, А. Антиньяка, А. М. Купара.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 286-289. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Заһидуллина Д. Ф. Шәехзадә Бабичның ижат юлы: мәғрифәтчелектән шартлы сурәткә таба // Рәмиев С. Л., Бабич Ш. М. Әсәрләр. Казан: Мәғариф, 2005. Б. 159-163.
11. Ибраһимов Ф. Гармун тавышы // Аң. 1915. № 20. Б. 221-224.
12. Ибраһимов Ф. Төш // Аң. 1915. № 17. Б. 291-293.
13. Исәнбәт Н. Сукбай // Аң. 1916. № 19-20. Б. 294-296.
14. Коссақ Е. Экзистенциализм в философии и литературе. М.: Политиздат, 1980. 360 с.
15. Мирзанов Б. Әнкәм кабере янында // Аң. 1916. № 13. Б. 206-207.
16. Надькто О. О. Экзистенциальные мотивы в поэзии Марины Цветаевой: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 18 с.
17. Надьршина Л. Р. Татарская поэма начала XX века как художественная система: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2009. 19 с.
18. Нуруллин И. З. XX йөз башы татар әдәбияты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 288 б.
19. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов педагогических вузов / под общ. ред. В. П. Мещерякова. М.: Дрофа, 2003. 416 с.
20. Хабибуллина Л. Р. Диалектика развития татарской поэмы начала XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 8. С. 83-89.
21. Эпик шигърият: XX йөз башы / төз. Ф. З. Яхин. Казан: ТаРИХ, 2002. 462 б.
22. Юсупова Н. М. Мифологические образы и сюжеты в лиро-эпических произведениях начала XX века: роль, функции и художественное значение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 2. С. 211-214.
23. Юсупова Н. М. Символизация в татарской поэзии начала XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. № 4. С. 111-114.
24. Яхин Ф. З. XX йөз башы эпик шигърият // Эпик шигърият: XX йөз башы / төз. Ф. З. Яхин. Казан, 2002. Б. 5-16.

EXISTENTIAL MOTIVES IN THE TATAR POEMS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Nadyrshina Leisan Radifovna, Ph. D. in Philology

Ganieva Aigul' Firdinatovna, Ph. D. in Philology

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

leysan_tatar@mail.ru; aygulgani@mail.ru

In the article, the existential motive-figurative complexes in the Tatar poems at the beginning of the XX century are revealed. The main attention is focused on the analysis of existential motives both at the level of poetics, and at the content level by the material of lyric-epic works of F. Burnash, N. İsanbät, S. Sunchelei, B. Mirzanov and F. Ibragimov. In their works typical for existential consciousness ideas of the finitude of being, the temporality of human life can be found. It is concluded that existential motives (death, dream, loneliness, temporality and finitude of being, etc.) in the Tatar poetry acquire the national sound.

Key words and phrases: poem; Tatar poetry; existentialism; motive; image; modernist paradigm.

УДК 821.133.1

Дата поступления рукописи: 07.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-2.16>

В статье рассматриваются наиболее важные содержательные черты творчества поэтов «Нового погребка» (1806-1817) – объединения «шансонье и гастрономов», представляющего собой заметное явление в литературе Первой империи и ранней Реставрации. Автор анализирует тематику и пафос песен, предпринимает попытку объяснить феномен указанного поэтического содружества с трёх позиций – французской национальной литературной традиции, биографических обстоятельств поэтов-песенников, культурно-исторического контекста. В отечественный научный оборот вводятся тексты М.-А.-М. Дезожье, М. Урри, А. Антиньяка, А. М. Купара.

Ключевые слова и фразы: песенная традиция в поэзии Франции; поэты-шансонье; «лёгкая» поэзия; «Новый погребок»; «эпикурейцы»; Первая империя; Реставрация; М.-А.-М. Дезожье.

Пинковский Виталий Иванович, д. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
alennart@mail.ru

ПОЭЗИЯ «НОВОГО ПОГРЕБКА» (1806-1817): СОДЕРЖАНИЕ, ПАФОС, МЕСТО В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Песенная поэзия всегда играла заметную роль во французской литературе, хотя на протяжении XVII-XVIII веков песня как неканонический жанр существовала на границе между литературой и фольклором. Многие крупные поэты-классицисты не считали зазорным иногда снизойти до написания песен, чему примером служит главный теоретик классицизма Н. Буало, не обмолвившийся в своём «Поэтическом искусстве» и словом о жанре песни, однако написавший несколько застольных песен в фольклорном духе (*chanson à boire* – букв. «песня под выпивку») [1, p. 126-127].

По мере расшатывания классицистических норм песня всё более становится признанным литературным жанром. Если в прежние времена поэт-песенник был в основном исполнителем своих произведений, как шансонье XVII в. Филиппо Савояр, который пел на Новом мосту в Париже и, собственно, именно этим зарабатывал себе на жизнь, опубликовав один-единственный сборник своих песенных стихов, то к концу XVIII в. сочинитель песен уже по преимуществу литератор, а не певец. За первую половину 90-х гг. (время революции) во Франции было опубликовано 3000 песен, причём около 250 – вариации разных авторов в подражание «Марсельезе» [11, р. 75].

В годы Первой империи получило известность содружество поэтов и музыкантов «Новый погребок (Caveaux moderne)», действовавшее с 1806 по 1817 годы и собиравшееся в ресторане “Le Rocher de Cancale”, который открылся в 1804 г. и считался модным и недешёвым заведением. В литературной истории Франции этот «погребок» – четвёртый начиная с 20-х годов XVIII века. В сообщество, включавшее крупнейших поэтов-песенников столицы, входил и молодой П.-Ж. Беранже, однако лидером и некоторое время председателем на обедах «погребка» был М.-А.-М. Дезожье (1772-1827). Этот поэт наиболее полно выразил дух кружка «гурманов и поэтов», или, как они чаще себя называли, «эпикурейцев».

В песне М.-А.-М. Дезожье «Моя эпикурейская жизнь» сформулировано жизненное кредо поэта: веселиться и «избегать дураков, злых и всего плохого» [7, р. 196]. Те же мотивы жизнерадостной беззаботности встречаются и в песнях других членов сообщества. По сути, песенный герой-эпикурец является более умеренным в силе чувств, более разнообразным в способах услаждения и облагороженным по форме их проявления персонажем фольклорной застольной песни: желания последнего, выраженные с грубоватой прямоотой, ограничиваются хорошим вином, обильной едой и доброй компанией, ради которых он готов отказаться даже от любви, эпикурейцу же доступно понимание удовольствия как отсутствия беспокойства, и в этом качестве герой-жуир поэтов «погребка» действительно близок не к упрощённой бытовому пониманием, а к подлинной философии Эпикура. Так, герой одной из песен А. М. Купара (1780-1864), перебрав достоинства и недостатки разных профессий (приказчик, солдат, книготорговец, аббат, доктор, аптекарь, артист...), признаётся в конце концов: «Я хотел бы одного – ничего не делать. Вот удовлетворяющее состояние, которое совсем не тяготит» [4, р. 131].

Такая жизненная установка объективно противостоит духу официальной культуры Первой империи, его милитаризму, который в государстве Наполеона I формировался разными способами, в первую очередь – через систему образования: «Французы, воспитанные по единой методе, были, благодаря школе, подготовлены к казарме, куда они и устремлялись. Закон о воинской повинности зывал к ним строго и повелительно, ведя толпы рекрутированных кровавыми дорогами славы» [10, р. 146]. Но не в меньшей степени воинственность выковывалась и произведениями искусства, создававшими эффект, впечатлением от которого делится посетивший одну из выставок живописи и скульптуры 1810 г. П.-Ф. Гефье: «...спартанцы не имели иных пристрастий, кроме любви к войне и отечеству. Полотна, созданные в нашу эпоху, способствуют формированию у юношества тех же чувств» [12, р. 13].

Несмотря на то, что на собраниях «погребка» не пели «о зависти, о несчастьях, о плохом настроении, о строгостях, о цензуре, о войне» [8, р. 548], обойти солдатскую тему в постоянно воевавшей стране было затруднительно. И Дезожье с другими «эпикурейцами» идут на компромисс. В стихотворениях в жанре «солдатской песни», созданных членами «погребка», нет наполеоновских «орлов» (*nos aigles*, т.е. «наши орлы» – частое в периодике и одической поэзии эпохи метонимическое обозначение императорской армии (по венчавшей древко полковых знамён фигурке орла)), но есть тип «солдата вообще» – храбреца, защитника родины, ценящего доблесть и славу выше добычи, правда, в трактовке поэтов-гурманов, чем-то тоже напоминающего эпикурейцев: «Увенчанный лаврами // И гордо восседающий на винной бочке, // С возвышенным сердцем доблестного воина, // Которое не сокрушит никакой удар, // Он пьёт вечером и утром, // Он пьёт за каждый подвиг. // Он не прольёт напрасно // Ни кровь, ни вино» [5, р. 497-498]. Такой образ вписывался в представление М.-А.-М. Дезожье о том, что «политические печали» плохо уживаются с «лёгкостью и весёлостью» французского нрава, которому равно свойственны «благородное мужество» и жизнерадостность [6, р. 237].

Аполитичность «песенных» поэтов приводила к тому, что в эпоху, когда о врагах императорской Франции (Англия и Россия в первую очередь) было принято отзываться исключительно в ругательном стиле, члены «погребка» в отношении к «неприятельским» культурам не выходили за рамки традиционного блазонирования. Так, в песне Дезожье «Англичанин в Новом погребке» герой-британец выведен как пародийный двойник эпикурейца, обладающий некоторыми его внешними признаками, но не усвоивший сути эпикурейского поведения. Черты псевдоэпикурейца, с добавлением некоторых распространённых представлений французов об англичанах, присвоены жителю Альбиона, который пришёл в излюбленный для собраний «погребка» ресторан, чтобы научиться «быть эпикурейцем». Текст построен как диалог между пришедшим и председателем сообщества: «ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде всего, милорд, в Англии что вы умеете делать? АНГЛИЧАНИН. Мы пьем много и подряд – ром и мадеру, и, когда все выпито, валимся под стол. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это там, в Англии, все, что вы умеете делать? АНГЛИЧАНИН. Вечером, собравшись у наших друзей, после пива мы пьем чай, чтобы придать себе больше веселости. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это там, в Англии, все, что вы умеете делать? АНГЛИЧАНИН. Когда мы оказываемся немного пьянее, чем обычно, мы бесстрашно тузим друг друга кулаками» [Ibidem, р. 233].

Далее выясняется, что англичане «платят за любовь, чтобы понравиться»; ценят «хороший стол», состоящий из «пудинга с изюмом и бифштекса»; развлекают себя беседой о «судебных процессах, банкротствах, похоронах и войне»; поют «сквозь зубы» и смеются «исключительно про себя»; страдают от сплина (spleen)

и вешаются от утрат. Председатель разочарован умениями англичан, но – в духе «погребка» – относится к гостю снисходительно: «ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если это там, милорд, в Англии, всё, что вы умеете делать, то прекратите осквернять этот алтарь и опошлять наши песни и наше застолье. АНГЛИЧАНИН. И у меня нет никакой надежды? ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы можем вас сделать детьми Венеры, если, без единого эку, вы сумеете нравиться, и сыновьями Момуса, если вы перестанете вешаться» [Ibidem, p. 236].

Суть обещаний председателя гостю иронична: мы вас, англичан, можем сделать теми, кем вы сначала должны стать сами, – умеющими любить («дети Венеры») и смеяться (Момус – древнегреческое божество смеха). Обратим внимание на то, что англичанам не ставят условия превратиться в гурманов или научиться петь, оценивая, видимо, эти способности как не самые важные для эпикурейца.

Не часто, но встречаются в песнях участников «погребка» выпады против каких-либо сторон литературной жизни, впрочем, имеющие скорее характер безадресных «вздохов» (ничто не должно перебивать лёгкого настроения). Примером может служить песня М. Урри (1776-1843) «Когда придёт хорошая погода», в которой метафорически обыгрывается дождь, шедший в Париже шесть недель подряд и в частности – 20 июля 1813 г. (20 числа каждого месяца – день сбора членов «Нового погребка»): «Увы! наш литературный горизонт тоже закрыли чёрные тучи. Художник *Полей* (Ж. Делиль. – В. П.), твоя погребальная урна стала, кажется, урной для вкуса тоже. Всюду идёт дождь из глупых эпиграмм; идёт дождь стихов, скорее плохих, чем злых; наконец, идёт дождь из романов и драм! Когда придёт хорошая погода?» [14, p. 267].

Перифрастическое упоминание Ж. Делиля, дающее представление о том, что современники воспринимали поэта как арбитра вкуса, – единственная конкретная информация в «литературной» строфе. Кто авторы плохих эпиграмм, стихов, романов и драм – совершенно непонятно, как и то, чем плохи сами произведения. Но вот, вроде бы, более «колкая» песня, о чём говорит её название – “Boutade”, то есть «остроумная шутка, выпад»: «“Новые” мне подозрительны, как только они берутся писать: все в них вдохновлено греками; у нас нет ничего нового. <...> Крупные прозаики, веселые шансонье, отцы прославленных безделиц, настоящие браконьеры Парнаса, ваши страницы не новы. Вас соблазняет привлекательность слова “автор”, это для вас как пропуск к славе. То, что ваш мозг производит, приходит только из запасов вашей памяти» [2, p. 293-294].

А. Антиньяк (1772-1823), автор этой песни, как выясняется по её прочтению, вовсе не претендует на обозначение, хотя бы песенно-бойкое и поверхностное, каких-либо литературных проблем. Его стихотворение – даже не обыгрывание более чем вековой давности «спора о древних и новых», как это может показаться по первой строфе, этот текст написан ради двух последних строк:

“...Et je conclus (pour m’excuser)

Que les beaux esprit se rencontrent” [Ibidem, p. 295]. /

«...И я заключаю (чтобы себя извинить), что лучшие умы встречаются (т.е. узнают друг друга, тянутся друг к другу. – В. П.)».

Обвинив в несамостоятельности творчества своих современников, паразитирующих на великих «древних», поэт признаётся в том же грехе, который оправдывает процитированными стихами. В высшей степени явление если не «воровства», то однообразия тем и идей, производящего впечатление взаимозаимствования, характерно для поэтов «погребка» в целом. Эта черта особенно неприятно поражает при обращении шансонье к теме смерти, демонстрирующем всё тот же неизменный весёлый настрой. Если бы речь шла о смерти как отвлечённом понятии, это вписывалось бы в традицию фольклорного жанра застольной песни, в котором смерть нередко трактуется комически, но отношение к смерти конкретных людей, тем более «своих», сотоварищей по «погребку», когда можно было бы проявить некое «необщее» чувство, не становится исключением из сложившегося правила.

Так, М.-А.-М. Дезожье сопровождает «Стансы на смерть П. Ложона» стандартным обозначением музыкального мотива, на который должен исполняться текст, судя по всему, мотива игривого: «Напев: Моему учителю в искусстве нравиться», но было бы напрасно искать в песне хотя бы упоминания об индивидуальных качествах старейшего в «Новом погребке» жизнелюбца (1727-1811), коль скоро в ней нет печали по ушедшему. Ничего этого нет, Ложон просто вписан в традицию эпикуреизма, как её представляет автор: «Философ Греции, любезный и нежный Анакреон, в предписаниях мудрости соединял удовольствие и поучение. Всегда охваченный желанием, будучи настолько любимым, насколько он сам умел нежно любить, Анакреон расстался с жизнью... Ложон, Ложон скончался. Эпикур, наш образец, певец наслаждения, верный апостол Бахуса, постоянный возлюбленный весёлости, адресовавший свой последний вздох бокалу и подруге, Эпикур расстался с жизнью... Ложон, Ложон скончался. Пирон, чья легкая муза производит на нас столь приятное впечатление, Пирон, чья навеки дорогая тень еще присутствует среди нас, Пирон, удостоенный лаврового венка Галии, – увы! – расстался с жизнью... Ложон, Ложон скончался. Фавар, чьи очаровательные стихи соединяли изящество и игривость; Колле, заставлявший лить прочувствованные слёзы от удовольствия; и ты, Панар, чьи шалости умели их высушить, не расстались ли вы с жизнью? Ложон, Ложон скончался» [9, p. 189].

С одной стороны, упоминание авторитетных для «эпикурейцев» имён, в контекст которых поставлен скромный по дарованию стихотворец П. Ложон, служит, как может показаться, возвеличиванию последнего. С другой, – личность именно Ложона обойдена характеризующим вниманием, в отличие от предшественников, и, очевидно – даже сочувствием. Само название – «Стансы на смерть...», не будучи традиционным для песенной лирики, подготавливает здесь эффект читательского недоумения, а не почтения к ушедшему, вряд ли «прочитанный» автором, который занят постоянным для себя делом – превознесением «эпикурейских» качеств.

Причина неизменной приверженности к не всегда уместному весёлому тону, по-видимому, заключается не только в следовании традиции «эпикурейской песни», но и в событиях революции, которые отразились на судьбах поэтов. М. А. М. Дезожье, например, вынужден был бежать во времена террора в колонию

Сан-Доминго (о. Гаити), где разворачивалось восстание рабов, попал к ним в плен, чудом спасся от расстрела, скрылся на английском корабле, капитан которого высадил умиравшего от «жёлтой лихорадки» поэта в Нью-Йорке, где тот, лишённый денег и знакомств, не погиб только благодаря милосердию одной дамы; П. Ложон в эти же годы впал в нищету, положение других поэтов было не легче. Совсем не случайно приход Наполеона к власти и первые годы его правления воспринимались населением, в первую очередь в столице, как избавление от потрясений революционной эпохи, которая убавила население Парижа на 100 000 человек [13, p. 111-112], как наступление эры порядка и защищённости граждан от пугающей непредсказуемости смены властей. Избыточная весёлость «эпикурейцев» могла быть, с одной стороны, защитной реакцией на бедствия, а с другой, – проявлением искренней радости при восстановлении твёрдой власти, вернувшей к тому же ряд популярных развлечений (балы-маскарады в Парижской опере).

Строго говоря, поэзия «эпикурейцев» не была совершенно слепа к общественной проблематике. В процитированном выше стихотворении об англичанине, при всей традиционной стандартности насмешек над британцем, можно увидеть – в контексте времени – сатирическую направленность. Дело в том, что мода на английское, известная во Франции с XVIII столетия, дошла в начале XIX века до степени англomanии: распространены были одежда, пришедшая из Англии (каррик, спенсер), английские карточные игры (вист), блюда английской кухни (бифштекс, ростбиф), «английские» сады, экипажи в английском стиле, даже английская меланхолия (*une melancolie anglaise*) [3, p. 314]. Высмеивание поэтами «погребка» культурных особенностей традиционного противника Франции приобретало патриотическую окраску.

Таким образом, поэтическое «эпикурейство» только на первый взгляд кажется чем-то неожиданным в государстве Наполеона I, но в реальности предстаёт как органическая часть имперской культуры.

Список источников

1. **Anthologie de la chanson française** / par Pierre Vrignault. P.: Librairie Ch. Delagrave, s.a. 490 p.
2. **Antignac A.** Boutade // *Le Caveau moderne ou le Rocher de Cancalle: chansonnier de table, composé des meilleurs chansons de ancien Caveau, des Dîners du Vaudeville, de la Société épicurienne, dite des gourmands, etc.* P.: A. Eymery, 1814. Vol. 8. P. 293-295.
3. **Broc H. de.** La vie en France sous le premier Empire. P.: E. Plon, Nourrit et Cie, 1895. 524 p.
4. **Coupart A. M.** Il faut un état // *Le Caveau moderne ou le Rocher de Cancalle: chansonnier de table, composé des meilleurs chansons de ancien Caveau, des Dîners du Vaudeville, de la Société épicurienne, dite des gourmands, etc.* P.: A. Eymery, 1814. Vol. 8. P. 128-131.
5. **Désaugiers M.-A.-M.** Chant du soldat // Désaugiers M.-A.-M. Chansons et poésies diverses. P.: Librairie populaire des villes et des campagnes, 1855. P. 496-498.
6. **Désaugiers M.-A.-M.** L'Anglais au Caveau moderne // Désaugiers M.-A.-M. Chansons et poésies diverses. P.: Librairie populaire des villes et des campagnes, 1855. P. 232-237.
7. **Désaugiers M.-A.-M.** Ma vie épicurien // Désaugiers M.-A.-M. Chansons et poésies diverses. P.: Librairie populaire des villes et des campagnes, 1855. P. 191-196.
8. **Désaugiers M.-A.-M.** Plus de politique // Désaugiers M.-A.-M. Chansons et poésies diverses. P.: Librairie populaire des villes et des campagnes, 1855. P. 548-550.
9. **Désaugiers M.-A.-M.** Stances sur la mort de P. Laujon // Désaugiers M.-A.-M. Chansons et poésies diverses. P.: Librairie populaire des villes et des campagnes, 1855. P. 189-190.
10. **Gueffier P.-F.** Entretiens sur les ouvrages de peinture, sculpture et gravure, exposés au Musée Napoléon en 1810. P.: C.-F. Patris, 1811. 179 p.
11. **La chanson française et son histoire** / ed. par D. Rieger. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988. 394 p.
12. **Lanzac de Laborie L. de.** Paris sous Napoléon: 8 vol. P.: Plon-Nourrit, 1905-1913. Vol. 1. 398 p.
13. **Leveaux A.** Nos théâtres de 1800 à 1880: la tragédie, le drame, la comédie, l'opéra français, l'opéra italien, l'opéra comique, le vaudeville, les ballets, l'opérette, la féerie, les revues, la parodie, la pantomime. P.: Tresse et Stock, 1881-1886. 228 p.
14. **Ourry.** Quand viendra le bon temps? // *Le Caveau moderne ou le Rocher de Cancalle: chansonnier de table, composé des meilleurs chansons de ancien Caveau, des Dîners du Vaudeville, de la Société épicurienne, dite des gourmands, etc.* P.: A. Eymery, 1814. Vol. 8. P. 266-268.

POETRY OF “LE CAVEAU MODERNE” (1806-1817): CONTENT, MESSAGE, PLACE IN THE CULTURAL CONTEXT OF THE ERA

Pinkovskii Vitalii Ivanovich, Doctor in Philology, Associate Professor
North-Eastern State University, Magadan
alennart@mail.ru

The article deals with the most important substantial features of the creativity of the poets of “Le Caveau moderne” (1806-1817), the association of “chansonniers and gourmets”, which is a notable phenomenon in the literature of the First Empire and the Early Restoration period. The author analyzes the themes and pathos of the songs and makes an attempt to explain the phenomenon of this poetic community from three perspectives – the French national literary tradition, the biographical circumstances of poets-chansonniers, and cultural and historical context. The texts of M.-A.-M. Désaugiers, M. Ourry, A. Antignac, A. M. Coupart are introduced into domestic scientific use.

Key words and phrases: song tradition in French poetry; poets-chansonniers; “light” poetry; “Le Caveau moderne”; “Epicureans”; The First Empire; The Restoration; Marc-Antoine-Madeleine Désaugiers.